

"Колчан" Н. С. Гумилева

Источник: "Н. С. Гумилев: PRO ET CONTRA". Составитель Ю. В. Зобнин.

Оригинал здесь -- <http://www.gumilev.ru/print.phtml?aid=10081601>

Только прочитав "Колчан", можно с полной ясностью почувствовать, что нельзя было до сих пор говорить о творчестве Гумилева. До этой книги мы знали только его отдельные образцы. И из них некоторые, поражая непонятым, неизмеримым превосходством над целым, давали впечатление такого творчества, которому мгновениями дано перерастать само себя. Это сказалось особенно в "Чужом Небе", где много бледных и нерадующих страниц приводят нас к такому завершено-прекрасному произведению, как "Открытие Америки".

"Колчан" уже не оставляет после себя таких недоумений. В его стихах -- значительных или слабых -- мы узнаем порождения одной и той же духовной воли, которой творческим усилием удалось преодолеть в себе мертвенное начало и отбросить далеко в прошлое "Жемчуга" и "Чужое Небо".

Чем именно означает себя в "Колчане" это освобождение творчества, мы, может быть, ощутим яснее уже из самого раскрытия его духа. Пока важно только установить, что в этой книге поэзия Гумилева нашла наконец свой "тембр голоса", который теперь уже не будет прорываться в отдельных нотах, но зазвучит освобожденным и полным звуком на протяжении большого цикла его стихов. И вот под действием прямого, четкого света, отброшенного "Колчаном", пределы его поэтического целого расширяются, и вместе с тем настойчивее, чем прежде, врываются противоречия в это творчество, совместившее в себе подлинную значительность и слабость, доходящую до беспомощности.

Это те основные противоречия, которые мешают отнести к "Колчану" без оговорок. Такая книга может сделаться одновременно предметом самой суровой критики и самого глубокого восхищения. Чтение стихов ее оставляет ощущение голода, раздраженного и тревожного; они возбуждают в читающем те предчувствия, те желания, каких не в силах насытить сами. Правда в том, что именно от этой поэзии хотелось бы ждать особенно завершенной формы. А между тем в стихотворениях "Колчана" так явственен перевес их замысла над осуществленным, что приходится их признать -- хотя и не без печали -- не выдерживающими собственной тяжести.

Нельзя не чувствовать, что по своему внутреннему характеру поэзия Гумилева должна быть "большим искусством". То, что прежде появлялось лишь спорадически, отразилось в "Колчане" полностью. Отнести так именно к этой книге нас заставляет и патетизм ее основного тона, и ее художественный размах, и образы, которыми поэт стремится загипнотизировать воображение. Если бы речь здесь шла об искусстве изобразительном, то можно было бы сказать, что скрытое назначение велит "Колчану" стать сильной, декоративной живописью. А между тем этого не случилось. Какое-то препятствие перерезало ему путь от замысла к осуществлению и, оставляя "Колчан" прекрасной книгой стихов, ни в коем случае не позволяет ему стать "oeuvre"(*).

Мы знаем хорошо, что идет ли речь о поэзии, живописи или другом искусстве -- произведение бесспорного совершенства познать до конца нельзя. Оно ревниво оберегает разгадку того творческого усилия, которое породило его на свет. Следы его возникновения для нас теряются. В таком произведении уже чувствуется движение творчества. Создание отделилось от создаваемого, и этим положен на него знак, отмечающий все творения совершенного мастерства. Тем из них, которые в мир вступают освобожденными от истории своего рождения, присуждено высокое наименование "oeuvre".

Это то именно, чего так не хватает поэзии Гумилева. Его стихи только очень редко бывают освобождены от "творческого движения". По большей части оно еще не успевает в них застыть, успокоиться в законченной и явственной форме. Отсюда какое-то тревожное ощущение, какое дают иногда и лучшие из стихов "Колчана". Произведение творчества еще здесь слишком слито с самим творчеством. Это нас делает нескромными против воли; мы за его пределами видим путь, которым оно пришло. Потому что оно не стрясло еще праха от своего страннического плаща.

Есть в мире только один-единственный вид искусства, который не скрывает своих следов, в которой давней и милой для нас традиции освящена незавершенность им совершаемого. Такая привилегия принадлежит изо всех искусств одной только живописи, и притом живописи эскизной. Только она остается для нас искусством, давая и неполные отражения самой себя, только она отражает свое бытие, что нравится нам в эскизах. Любуясь ими, мы не стыдимся своей нескромности, которая